

сфере творчества не может осуществиться без нравственного воспитания, без усвоенной привычки постоянно давать себе отчет в моральном аспекте действий и их результатов. Поэтому представляется, что идеи И. Канта о моральном воспитании несколько не устарели, требуется разумная и критическая, но безусловно практическая их реализация.

¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. М.; Л. Огиз, 1948. Т. 1. С. 32.

² Здоровье и перестройка//Аргументы и факты. 1988. № 1.

³ См., например: Скрипник А. П. Категорический императив Иммануила Канта. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 162—163.

НРАВСТВЕННОСТЬ И КУЛЬТУРА: РАЗМЫШЛЕНИЕ НА ТЕМУ «КРИТИКИ ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА»

Т. В. Залызина, В. Н. Брюшинкин

(Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства; Калининградский университет)

В XX веке человеческая личность внутренне разобщена: научное в ней отделено от эстетического, культурное от нравственного и все вместе — от жизни. Эту особенность сознания современного человека еще в начале века отмечал М. М. Бахтин: «Когда человек в искусстве, его нет в жизни, и обратно. Нет между ними единства и взаимопроникновения внутреннего в единстве личности. Что же гарантирует внутреннюю связь элементов личности? Только единство ответственности»¹. Единственно нравственность способна преодолеть «непроницаемые» перегородки сознания, выработать меру всего, что делает человек. Поэтому так важны сегодня размышления на тему «Нравственность и...», они намечают перспективы создания единства личности, так необходимого нам именно сейчас, так как только более-менее единая личность, в которой разные области ее сознания и практического действия соединены не механически, а единым смыслом, может действительно разумно действовать в нашем быстро меняющемся мире.

Особенно важен в этом отношении пример тех мыслителей, которые, исходя из первоначального разведения, или даже противоречия, указанных характеристик личности, затем ищут их внутреннего единства. Нам представляется, что именно такова логика эволюции взглядов Канта на соотношение нравственности и культуры. В этой статье мы рассмотрим исходный пункт эволюции его взглядов на эту проблему — концепцию 80-х годов, — сложившуюся ко времени написания «Критики практического разума» (1788). Эта концепция не была явно сформулирована Кантом, что придает нашей задаче дополнительный исследовательский интерес. Однако для начала нам придется заглянуть в одно «Рассуждение...», написанное за сорок лет до «Критики практического разума».

Дихотомия Руссо

Проблема соотношения нравственности и культуры в философии Просвещения была жестко поставлена Ж.-Ж. Руссо. Его «Рассуждение по вопросу: Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» (1750) максимально отделяет культуру, понимаемую как совокупность наук и искусств, от нравственности. У Руссо мы не найдем точной дефиниции «нравственности» и «культуры», однако нам важен не столько точный смысл понятий, сколько методологические принципы анализа их соотношения. Напомним, что на поставленный вопрос Руссо отвечает отрицательно. Всю вторую часть своего «Рассуждения...» он посвящает выявлению причинной связи между совершенствованием культуры и упадком нравственности. Аргументы, приводимые в пользу этой связи, и представляют для нас наибольший интерес. По существу Руссо приводит три аргумента: во-первых, «науки и искусства... обязаны своим происхождением нашим порокам»², во-вторых, они несут с собой роскошь, которая уже способствует упадку нравов, и, в-третьих, «рожденные в праздности, они, в свою очередь, питают праздность, и невозместимая потеря времени — вот в чем, раньше всего, выражается вред, который они приносят обществу»³. В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет основание третьего аргумента. Почему потеря времени фатальна для нравственности? Отвечая на этот вопрос, Руссо формулирует принцип, который мы склонны назвать *дихотомией Руссо*: «В политике как и в морали, не делать никакого добра — это большое зло; и каждый бесполезный гражданин может рассматриваться как человек вредный»⁴. Опустим политические следствия этого принципа, и рассмотрим отношение его к нравственности. Этот принцип провозглашает разделение всех поступков на нравственные и безнравственные и утверждает, что ничего третьего быть не может: все, что *не* нравственно, тем самым уже *безнравственно*. Принимая его как аксиому, Руссо получает средства, при помощи которых легко доказывать безнравственность тех или иных явлений человеческой жизни. Для этого достаточно доказать, что они не способствуют улучшению нравов, и тогда они автоматически зачисляются в разряд безнравственных. Из того, что совершенствование и распространение культуры не улучшает нравы, а способствует «невозместимой потере времени», Руссо заключает, что культура безнравственна.

Трихотомия Канта

Основанием для вывода Руссо о несовместимости нравственности и культуры в жизни личности и общества послужил принцип, который мы назвали дихотомией Руссо: каждый поступок должен квалифицироваться либо как нравственный, либо как

безнравственный, и третьего не дано. Очевидно, что эта формула выражает своеобразный нравственный экстремизм Руссо, который, кстати, создал основы экстремизма политического во времена Великой французской революции, послужив оправданием для репрессий, проводимых якобинцами.

Какую же позицию по этому вопросу занимал Кант, и какое значение эта позиция имела для решения нашей проблемы? Кант различает три вида поступков в их отношении к нравственности: поступки моральные (нравственные), легальные и аморальные (безнравственные). Моральный поступок должен удовлетворять двум признакам: 1) его максима должна согласовываться с нравственным законом и 2) он должен совершаться из уважения к закону. Моральный поступок, таким образом, включает полное осознание своих мотивов. Примешивание любого внешнего (патологического) мотива выводит поступок из круга моральных и переводит не в разряд аморальных, т. е. не согласующихся с нравственным законом, а в разряд легальных. Поступок легален, если его максима согласуется с нравственным законом, но он не обладает вторым признаком нравственности, т. е. совершается не (только) из уважения к нравственному закону. Мы будем в дальнейшем называть *трихотомией Канта* разделение трех характеристик поступков: *моральности* (нравственности), *легальности* и *аморальности* (безнравственности). Заметим, что по трихотомии Канта *ненравственность* поступка не влечет его *безнравственности*. Понятие легальности, по существу, вводит третью модальность: «нравственно безразлично».

Трихотомия Канта разрушает логику рассуждений Руссо. Признание существования нравственно безразличных поступков опровергает заключение Руссо о безнравственности культуры. Так, в рамках подхода Канта признание того, что культура ведет к бесполезной для нравственности растрате времени, не влечет вывод о безнравственности культуры, поскольку она может быть нравственно безразличной, т. е. поступки, совершаемые из мотивов культуры, могут еще обладать характеристикой легальности.

Автоматизм культуры и нравственность

Понятие культуры никогда не занимало почетного места в философии Канта, а в его работах 80-х годов, т. е. того времени, к которому относится «Критика практического разума», термин «культура» почти не упоминается. Тем не менее тех немногих высказываний, в которых Кант касается проблем, связанных с культурой, достаточно для того, чтобы реконструировать некоторое достаточно определенное понимание культуры. Конечно, работы 90-х годов представляют более благодатный материал для анализа, тем не менее исходным пунктом в кантовской разработке понятия культуры и решения связанных с ним проблем

являются, конечно, 80-е годы, когда термин «культура», наконец, прописался на страницах произведений Канта. Раскрывая понятие культуры, которого Кант придерживался в 80-е годы, мы подводим базис под позднейшую эволюцию этого понятия в 90-х годах, а следовательно, и под эволюцию кантовского решения проблемы соотношения культуры и нравственности.

У нас не так уж много свидетельств кантовского понимания культуры в текстах «Критики чистого разума» (1781) и «Критики практического разума». Если подытожить смысл кантовских положений о культуре, то мы можем сказать, что ведущим у Канта является понимание культуры как навыка: «Дисциплину следует отличать от культуры, которая должна только доставлять навыки, не устраняя другие уже существующие» (3, 538). Таким образом, культура личности есть некоторая совокупность навыков, а характеристика культурности присуща некоторому поступку или действию, если максимумом его является навык. Что же такое навык? Главное в навыке — его автоматизм: «Навык — доведенное до автоматизма умение решать тот или иной вид задачи...»⁵. Таким образом, действие, поступок приобретает характеристику культурности, если способ их совершения превращается в навык, в доведенное до автоматизма умение. Говоря о том, что культура есть источник навыков, Кант, на наш взгляд, раскрывает важнейший аспект понятия культуры. Действительно, мы называем культурным не просто человека, определенным образом реагирующего на те или иные события и поступки, а человека, у которого соответствующий способ действия вошел в плоть и кровь, т. е. превратился в навык. Такие навыки могут впитываться из соответствующей культурной среды, в которой растет и воспитывается человек (культурная традиция), или быть плодом первоначально сознательных усилий человека, прививающего себе определенный способ поведения, а затем уже превращающего его в навык. В этом смысле культура есть совершенство, отточенность, автоматизм некоторого способа действия.

Зафиксируем это понятие культуры и поставим вопрос: каким образом сочетаются такие характеристики человеческих поступков, как нравственность (моральность) и культурность? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим некоторый нравственный поступок, который тем самым совершается сообразно нравственному закону и из уважения к этому закону. По Канту, уважение к закону есть «сознание свободного подчинения воли закону, связанного, однако, с неизбежным принуждением по отношению ко всем склонностям, но лишь со стороны собственного разума...» (4(1), 406). Итак, уважение характеризуется двумя признаками: сознанием подчинения закону к принуждением по отношению к склонностям. Эти признаки необходимо должны составлять мотивы поступка для того, чтобы он мог быть признан нравственным. Рассмотрим теперь процесс приобретения

этим поступком характеристики культуры. Эта характеристика приобретает в результате повторения поступка, когда его максима превращается в навык совершающего поступок субъекта. Но навык, как мы уже видели, характеризуется автоматичностью, т. е. отсутствием непосредственного осознания мотивов и характера протекания поступка, и привычностью, т. е. отсутствием сознательного принуждения по отношению к склонностям. Отсюда следует, что поступок, приобретающий черты культуры, не может совершаться из уважения к закону, так как определяющие признаки этого уважения у культурного поступка отсутствуют. Следовательно, *первоначально нравственный поступок, который приобрел характеристику культуры, теряет тем самым характеристику нравственности*. Нравственность и культурность как характеристики поступков несовместимы. Хотя обратное неверно: поступок, потерявший характеристику культурности, еще не становится нравственным.

Заметим, что в концепции Канта принимается более сильный тезис, чем в концепции Руссо. Руссо вполне достаточно тезиса о том, что культура не способствует нравственности, чтобы получить вывод о безнравственности культуры. Тезис Канта о несовместимости культуры и нравственности тем не менее не влечет заключения о безнравственности первой. Если вернуться к приведенному ранее случаю нравственного поступка, который приобретает характеристику культуры, то мы увидим, что максима этого поступка по-прежнему сообразна нравственному закону, хотя поступок совершается не из уважения к закону. Таким образом, по Канту, такой поступок приобретает характеристику *легальности*, т. е. не может характеризоваться ни как нравственный, ни как безнравственный. Культура может быть в лучшем случае нравственно безразличной. Переход от нравственно безразличного (легального) поступка к нравственному связан с осознанием того обстоятельства, что поступок совершается только из уважения к закону, а следовательно, не является автоматически выполняемым действием, т. е. навыком.

Если изложенные нами соображения верны, то для Канта 80-х годов понятия «нравственная культура» или «культура нравственности» представляют собой нечто вроде «круглого квадрата», поскольку в одном понятии совмещаются две несовместимые характеристики поступков. Это положение, кстати, неверно для более позднего Канта. В 90-х годах меняется отношение Канта и к культуре, и к некоторым оттенкам нравственности. Эту эволюцию мы наметим позже.

С точки зрения внешнего наблюдателя (общества), действительно, нравственное поведение и поведение, сообразное с нравственным законом, но исходящее из культуры, практически неразличимо. Следует ли из этого, что для общества безразлично, из чего исходит индивид, из нравственности или из культуры? В некотором смысле — да, но до определенного предела. Дей-

ствительно, указанные различия между нравственностью и культурой несущественны в обществе со стабильными социальными структурами, в котором большинство населения живет в устойчивых условиях и поведение его регулируется стереотипами, вытекающими из длительной традиции, приспособленной к данным условиям. В этом случае нравственное и культурное регулирование поступков людей могут совпадать *по результату*, если источником стереотипов, регулирующих культурное поведение, были нравственные действия, т. е. действия, совершаемые сообразно нравственному закону и из уважения к нему. В обществе же, динамически развивающемся, с подвижными социальными структурами (вертикальной и горизонтальной динамикой), это различие становится решающим. Так, традиционно (культурно) регулируемое поведение совпадает с нравственным лишь в рамках тех условий, которые породили данный навык (стереотип) поведения. Если же условия меняются, то автоматизм навыка может привести (и зачастую приводит) к поступкам, уже не сообразным нравственному закону, поскольку этот стереотип не осознается и не способен, следовательно, изменяться применительно к новым условиям. Таким образом, традиционное (культурное) регулирование поведения таит большую опасность, поскольку человек, вырванный из привычного мира, образующего условия применимости навыков, являющихся максимами его поступков, теряет нравственный ориентир⁶. Что же касается собственно нравственного регулирования поведения по Канту, то здесь совершенно иная ситуация. В силу формального характера нравственного закона и осознанности следования ему нравственный человек способен варьировать свое поведение в зависимости от условий так, чтобы оно всегда согласовывалось с нравственным законом. В этом отношении человеку, поступающему из уважения к нравственному закону, не страшна ни горизонтальная, ни вертикальная динамика, так как в любом случае необходимым условием его деятельности будет стремление согласовать максимы своих поступков с нравственным законом, который в силу своей формальности применим к любым, самым неожиданным, самым новым ситуациям.

Дальнейшая эволюция

Наша реконструкция воззрений Канта на соотношение нравственности и культуры в «Критике практического разума» в определенной мере гипотетична, поскольку Кант прямо эту проблему не анализирует. Однако мы уверены, что она достаточно точно передает установки Канта по отношению к этой проблеме в 80-х годах. Как следует оценить эту концепцию? Из Кантова смысла этих понятий вытекает, что культура человека либо нравственно безразлична, либо вообще безнравственна, если навык, представляющий собой максиму поступка, не со-

гласуется с нравственным законом. Здесь еще чувствуется значительное влияние Руссо. Поэтому концепцию 80-х годов можно оценить как переходную от взглядов Руссо к более поздним взглядам самого Канта. Однако заметим, что Кант уже в 80-х годах делает значительный шаг вперед, во-первых, разрушая дихотомию Руссо, и, во-вторых, переходя к более точному понятию культуры как источнику навыков человека. Правда, Кант в «Критике практического разума» вводит и понятие культуры как «второй природы», говоря, например, о разделении в деятельности «великих талантов» того, «что в этом умении от врожденного таланта и что от культуры, приобретенной собственным прилежанием» (4(1), 403). Но это ничего не меняет в интересующем нас отношении, поскольку культура в этом смысле связывается Кантом с заслугой, а заслуга как мотив противопоставляется поступкам из чувства долга (4(1), 411). К тому же, если «никогда не нарушаемое соответствие воли с чистым нравственным законом» становится нашей «второй натурой», то нравственный закон, «поскольку мы никогда не могли бы быть введены в искушение отступить от него, в конце концов перестал бы для нас быть велением» (4(1), 408), а поступки такого разумного существа потеряли бы характеристики нравственности. Таким образом, *все* контексты употребления понятия «культура» в «Критике практического разума» согласуется с предложенной нами интерпретацией.

Однако этого уже нельзя сказать о более поздних работах Канта. К примеру, в «Метафизике нравов» Кант вводит понятие «культура моральности», невозможное с точки зрения нашей интерпретации. Это, на наш взгляд, говорит о том, что в «Критике способности суждения» (1791) и в особенности в «Метафизике нравов» (1797) Кант пересматривает свой подход к культуре и некоторым аспектам нравственности. Однако базисное для него противоречие между понятиями культуры и нравственности сказывается и здесь. Дело в том, что Кант обосновывает введение понятия «культура моральности» новым мотивом невозможности даже *для самого субъекта* поступка в точности различить моральность и легальность: «Действительно, человеку не дано проникать в собственную душу настолько глубоко, чтобы быть вполне уверенным в чистоте своих моральных намерений и в ясности своего образа мыслей хотя бы в одном поступке, даже если он не сомневается в его легальности» (4(2), 327). Здесь мы опять видим знакомый мотив: культура связывается с легальностью поступка, а из эмпирической неразличимости в конечном счете моральности и легальности получается понятие «культура моральности», которое затем уже интерпретируется в ином ключе — как величайшее нравственное совершение, кстати, недостижимое.

По-видимому, чувствуя некоторую парадоксальность понятия «культура моральности» с точки зрения его предыдущей кон-

цепции, Кант модифицирует свое понятие культуры, различая в понятии «навыка», с одной стороны, «привычку», т. е. однообразие поступка, ставшее необходимостью от частого его повторения», которая не есть «моральный навык», а с другой стороны, «свободный навык», который связан со способностью «в совершении поступков определять себя представлением о законе» и «может быть причислен к добродетели» (4(2), 343), и таким образом подводит основу под понятие «культура моральности». Мы видим, что наша трактовка соотношения культуры и нравственности у Канта 80-х годов помогает лучше понять мотивы дальнейшей эволюции его взглядов. Но это уже самостоятельная тема для дальнейшей работы.

¹ Батхин М. М. Искусство и ответственность // Батхин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 5.

² Руссо Ж.-Ж. Рассуждение, получившее премию дижонской Академии в 1750 году по вопросу, предложенному этой же Академией: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 19.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 393.

⁶ В советской художественной литературе прекрасной иллюстрацией этого тезиса могут служить многие рассказы Василия Шукшина, главным героем которых, как правило, оказывается человек, переехавший из деревни в город, вырванный из традиционного регулирования поведения и не нашедший новых нравственных ориентиров в динамичной городской жизни.

ФЕЙЕРБАХ КАК КРИТИК КАНТОВСКОЙ ЭТИКИ

Б. В. Мееровский

(Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова)

Исходным принципом этического учения Канта является принцип автономии морали, ее самостоятельности и независимости от каких бы то ни было посторонних побуждений или мотивов. Автономия моральной воли есть, по Канту, «высший принцип нравственности» (4(1), 283)¹. Именно потому, что мораль автономна, она может постулировать свой выбор в качестве всеобщего закона, категорического императива. Гетерономия же морали объявлялась Кантом источником «всех ненастоящих принципов нравственности» (4(1), 284). Гетерономная воля ищет основания нравственности «в чем-то другом», подводит под нее чуждые ей интересы и принципы. В первую очередь это касалось «принципа собственного счастья», который, по словам Канта, «более всего неприемлем», чтобы служить основанием нравственности. «Принцип этот негоден потому, что он подводит под нравственность мотивы, которые, скорее, подрывают ее и уничтожают весь ее возвышенный характер, смешивая в один класс побуждения к добродетели и побуждения к пороку